

М.ВЕЗЛАЕР

**ЛЕГЕНДЫ
НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.

В27 Легенды Невского проспекта / Михаил Веллер. —
Москва : Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Книги
Михаила Веллера).

ISBN 978-5-17-119700-1

«Легенды Невского проспект» — национальный бестселлер. Истории из нашего недавнего прошлого, рассказанные мастером, все чаще воспринимаются не как фантазии писателя, но словно превращаются в известную многим реальность.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Первая и славнейшая из улиц Российской империи, улица-символ, знак столичной касты, чье столичье — не в дутом декрете, но в глубинном и упрямом причастии духу и славе истории, — Невский проспект, царева перспектива, игольный луч в сердце государевом, и прочие всякие красивые и высокие слова, — Невский проспект, сам по себе уже родина, государство и судьба, куда выходят в семнадцать приобщиться чего-то такого, что может быть только здесь, навести продуманный лоск на щенячью угловатость, как денди лондонский одет и наконец увидел свет, где пронизательность швейцаров и проституток разом отбила бы у Рентгена мысль о своих кустарных и малодостовверных лучах, и синие гусары в топот копыт по торцам, и Зимний окружен броневиками Шкловского, эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна, и Фека королевствовал из одноименного кабака, пока не трахнул в зазнайстве дипломатову родственницу, за что и был шлепнут, Невский, чьи бессрочные полпреды прошвыриваются по нему в ностальгических снах своих от Парижа до Кейптауна и Каракаса, усвоить моду и манеру, познакомиться, светский андеграунд, кино — театр — магазин — новости — связи — товар — деньги — товар — лица и прочие части тела, кофе и колесико, джинсы и игла, — — — короче, Невский, естественно, имеет собственный язык, собственный закон, собственную историю (что отнюдь не есть вовсе то, что общедоступная история Санкт-Петербурга и Ленинграда), собственных подданных и собственный фольклор, как и подобает, разумеется, всякой мало-мальски приличной стране.

Фольклор сей, как и всякий, хранится старожилками и шлифуется остроумцами, метит в канон и осыпается в Лету. Как и всякий, случается он затейлив, циничен, сентиментален и смешон.

Когда-то я тоже жил на Невском и был с него родом.

**САГИ
О ГЕРОЯХ**

ЛЕГЕНДА О РОДОНАЧАЛЬНИКЕ ФАРЦОВКИ ФИМЕ БЛЯЙЩИЦЕ

1. Интеллигентик

В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем годе, как известно, Вождь народов и племен решил устроить евреям поголовно землю обетованную на Дальнем Востоке, и сорока лет ему для этой акции уж никак не требовалось. И составлялись уже по домоуправлениям списки, и ушлые начальницы паспортных столов уже намечали нужным людям будущие освободиться квартиры, и сердобольные соседи в коммуналках делили втихаря еврейскую мебелишку, которую те с собой уволочь не смогут, и громыхал по городу Питеру трамвай с самодельным по красному боку лозунгом «Русский, бери хворостину, гони жида в Палестину». И евреям, естественно, все это весьма действовало на нервы и заставляло лишний раз задуматься о превратностях судьбы, скоротечности земного бытия и смысле жизни.

В двадцать два года людям вообще свойственно задумываться о смысле жизни. Студент Кораблестроительного института, Ефим Бляйшиц писал диплом и остранинно, как не о себе, соображал, удастся ли ему вообще закончить институт — может быть, заочно? — и как на счет работы кораблестроителя в Приморье. Амур, Тихий

океан... да ничего, жить можно. Жил он, кстати, на Восьмой линии Васильевского острова, в комнатухе со старенькой мамой. Мама, как и полагается маме, в силу возраста, опыта и материнской любви, смотрела на раз-вертывающуюся перспективу более мрачно и безнадежно, чем сын, и плакала в его отсутствие. Друг же друга они убеждали, что все к лучшему, жить и вправду лучше среди своего народа, и в Биробиджане, слава Богу, никто их уже не сможет обижать по пятому пункту; а может, все и обойдется.

Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неуютно, особенно если ты маленький, черненький, очкастый и картавый: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде. Фима нарвался тоже раз вечером в метро, несколько крепких подвыпивших ребяташек споро накидали ему по ушам, выдав характеристики проклятому еврейскому племени, и, обгаженный с ног до головы и насквозь, на темном тротуаре подле урны он подобрал окурок подлиннее и, не решаясь ни у кого попросить прикурить, выглотал колючий дым ночью в сортире; кривая карусель в голове несла проклятия и клятвы. Мама проснулась беззвучно, почувствовала запах табака и ничего не сказала.

Будучи человеком действия, назавтра Фима совершил два поступка: купил пачку папирос «Север», бывший «Норд», и пошел записываться в институтскую секцию бокса.

— Куришь? — спросил тренер, перемалывая звуки стальными зубами.

— Нет, — ответил Фима. — Случайность.

— Сколько лет?

— Двадцать два.

— Стар, — с неким издевательским сочувствием отказал

тренер, хотя для прихода в бокс Фима и верно был безусловно стар.

— Хоть немного, — с интеллигентской нетвердостью попросил Фима.

— Мест все равно нет, — сказал тренер и брезгливо усмехнулся глазами в безбровых шрамоватых складках. — Но попробовать... Саша! поди сюда. Покажи новичку бокс. Понял? Только смотри, не очень, — сказал им вслед не то, что слышалось в голосе.

— Раздевайся, — сказал Саша и кинул Фиме перчатки.

Стыдясь мятых трусов и бело-голубой своей шуплости, Фима пролез за ним под канат на ринг, где вальсировал десяток институтских боксеров, и был избит с ошеломляющей скоростью и деревянной, неживой жесткой силой, от заключительного удара в печень весь воздух из него вышел с тонким свистом.

— Вставай, вставай, — приказал спокойно тренер, — иди умойся.

— Удар совсем не держит, — якобы оправдываясь, пояснил Саша.

— Иди работай дальше, — сказал ему тренер. И Фиме, растирающему до локтя кровь из носа: — Сам видишь, не твое. — Неприязненно: — Покалечат, потом отвечай за тебя.

Очки сидели на лице как-то странно, на улице он старался прятать в сторону лицо, дома в зеркало увидел, что его тонкий ястребиный носик налился сизой мякотью и прилег к щеке.

— На тренировке был, — пояснил он матери, и больше расспросов не возникало.

Нос так и остался кривоватым, что довершило Фимин иудейский облик до полукарикатурного, «мечта антисемита».

В портфеле же он стал носить с тех пор молоток, поклявшись при надобности пустить его в ход; что, к счастью, не потребовалось.

Тем временем соседки на кухне травили мать тихо и вьедливо, как мышь; об этом сын с матерью тоже, по молчаливому и обоим ясному уговору, не разговаривали.

Это неверно, когда думают, что евреям так уж всю историю и не везет. Потому что смерть Сталина в марте 53 была замечательным везением, вопрос о переселении отпал, врачи-убийцы как бы вместе со всей нацией были реабилитированы, и по утрам соседи на кухне стали здороваться и даже обращаться со всяким мелким коммуналным сотрудничеством. И Фима благополучно получил диплом и был распределен на завод с окладом восемьсот рублей.

Но так и оставался, разумеется, маленьким затурканным евреем.

2. Открытие

Сначала появились стилиаги. Сначала — в очень небольшом количестве.

Пиджаки они носили короткие, а брюки — легендарно узкие. Рубашки пестрые, а туфли — на толстой подошве. И стриглись под французскую полку, оставляя спереди кок; а лучших мужских парикмахерских было две: одна — в «Астории», а другая — на Желябова, рядом с Невским.

В милиции им норовили — обычно не сами милиционеры, а патриотичные народные дружинники — брюки распарывать, а коки состригать, о чем составлять акт и направлять его в деканат или на работу. Пресса

рассматривала одевающихся так молодых людей как агентов ползучего империализма:

Иностранцы? Иностранки?
Нет! От пяток до бровей —
это местные поганки,
доморощенный Бродвей!

Затем прошел исторический XX Съезд Партии, была объявлена оттепель и чуть ли не свобода, и страху в жизни стало куда поменьше, а надежд и оптимизма куда больше.

А еще через год состоялся впервые в Союзе Международный фестиваль молодежи и студентов, наперли толпы молодых со всего мира, и после этого (мы отслеживаем сейчас только одно из следствий, которое и вплетено нитью в нашу историю) стилинг стало хоть пруд пруди: представители прогрессивной молодежи западных, южных и восточных стран покидали гостеприимную Советскую Россию в туфлях на босу ногу, запахивая пиджачки на голых, без рубашек, грудях: гардероб оставался на память о дружбе и взаимопонимании их московским и ленинградским приятелям.

Стукачей участвовало в празднестве уж не меньше, чем иностранцев, и дружили только самые безоглядные и храбрые, — кроме специально выделенных для дружбы, разумеется, и проинструктированных, как именно надо дружить.

Фиму с его рожей никто дружить не уполномочивал; он и не дружил — опасался: дурак, что ли. Но глядя, как переходят на тела земляков шикарные и тонные шмотки, все крутил он и обдумывал одну нехитрую мыслишку.

Он эту мыслишку не один, уж надо полагать, обдумывал, но именно он, похоже, подошел к ней первый со

всей еврейской глубиной и основательностью. Потому что на второй день фестиваля сообщил маме, что ему надо поговорить с хорошим старым адвокатом, какой, вроде, был среди ее знакомых.

— Что случилось? — испугалась мама.

— Ничего не случилось, — твердо заверил Фима.

— Так зачем тебе адвокат? — побледнела мама.

— Чтоб и впредь никогда ничего не случилось, — твердо заверил сын.

Адвокат, разумеется, тоже был еврей, и принимал Фиму в такой же комнатухе коммуналки. Фима развязал испеченный мамой пирог, размял папиросу и посмотрел на адвоката.

— Розочка, сходи в булочную, — попросил адвокат жену.

— Так какие же у вас неприятности? — спросил он. — Слушаю.

— Слушайте внимательно, — сказал Фима, — и если можно, тут же забывайте. Никаких неприятностей нет и быть никогда не должно. Может ли иностранец подарить мне галстук?

— За красивые глаза? — поинтересовался адвокат.

— В знак дружбы, — серьезно сказал Фима.

— У вас есть друг-иностранец? Кто? Где вы его взяли — на улице?

— На улице, — сказал Фима.

— И каким образом?

— Он спросил, как пройти к памятнику Ленину у Финляндского вокзала.

— И что же?

— Я его проводил к святыне нашего города и рассказал о приезде Ленина в апреле 17 года.

Адвокат укусил пирог, с удовольствием пожевал, запил чаем и посмотрел на Фиму.

— Он снял галстук прямо с шеи? — спросил он.

— Я долго отказывался, но он обиделся, а я не хочу, чтобы иностранцы обижались на ленинградцев, — ответил Фима.

Адвокат кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Иностранец может подарить вам галстук.

— Я так и думал, — сказал Фима. — А рубашку он тоже может мне подарить?

— Он тоже снял ее с себя под памятником Ленину?

— Нет. Он попросил проводить его обратно до гостиницы.

— Он боялся заблудиться?

— Совершенно верно.

Адвокат подумал.

— А на каком языке вы говорили? — торжествующе выкрикнул он.

— На английском, — слегка удивился Фима.

— А откуда это вы знаете английский?!

— Как откуда? — еще больше удивился Фима. — Я учил его восемь лет: шесть в школе и два в институте. Я советский инженер с высшим образованием. Советское образование — лучшее в мире! Я был отличником.

— Да, — согласился адвокат, — это правда... Советское образование — лучшее в мире.

— Еще он подарил мне пиджак и туфли, — добавил Фима.

— За что?! — поразился адвокат.

— А я подарил ему свой пиджак и свои туфли.

— Зачем?!

— Ему нравятся наши товары.

— Так почему он не купил?!

— У него кончились деньги.

— Почему кончились?

— Он был накануне в ресторане.

— В каком? — быстро воткнулся вопрос.

— На «Крыше» в «Европейской», — так же быстро последовал ответ.

— А больше денег у него не было?

— Я должен был попросить его показать мне бумажник? или счет в банке?

Адвокат доел кусок и облизал пальцы.

— Хорошо, молодой человек, — одобрительно признал он. — Он может подарить вам галстук, рубашку, пиджак и туфли.

— Носки и плащ, — добавил Фима. — Он сказал, что жена купила ему носки не того размера, а плащ дал мне надеть, потому что пошел дождь; дома я выгладил его и хотел вернуть, но он уже уехал.

— Что еще? — спросил адвокат.

— Две пары чулок и французское белье для моей мамы.

— Зайдите в субботу, — сказал адвокат. — Я должен изучить этот вопрос так, чтоб не было сомнений.

— Да, — согласился Фима, — сомнений быть не должно. Но не в субботу, а завтра. Время дорого.

— Молодой человек, — сказал адвокат.

— Дружба дружбой, а служба службой, — сказал тогда Фима. — Вы даете мне эту консультацию и получаете гонорар по высшей ставке. Ставку назовете сами.

Адвокат сдвинул очки на лоб. Фима вынул из кошелька полученную вчера зарплату и положил на стол. На ближайшие две недели они с мамой оставались с со- рока копейками.

- Хорошо, — сказал адвокат. — Завтра в шесть.
- Подарки являются моей собственностью?
- Безусловно.
- Я могу их выкинуть?
- В первую же урну.
- Могу подарить?
- Первому встречному.
- Могу продать?
- Ага... Вероятно.
- Что значит — вероятно? Это мои вещи или нет?
- Вас интересуют статьи о спекуляции?
- А где вы тут видите спекуляцию?

Адвокат закурил Фимину папиросу и улыбнулся вошедшей с сеткой жене.

— Идишекопф, — ласково сказал он, кивая на Фиму. — Мать этого мальчика не умрет от нищеты.

Вот так в городе Ленинграде летом пятьдесят седьмого года в голове молодого и нормально задавленного жизнью восьмисотрублевого инженера и вполне типичного еврея Фимы Бляйшица родилась гениальная идея фарцовки.

Название это родилось позднее, и не у него, но название его мало заботило, потому что Фима был нормальным советским материалистом и прекрасно знал, что было бы дело, а название ему всегда найдется.

Нет, и до него, разумеется, всю жизнь скупали барахло у иностранцев и толкали его на барахолках и среди знакомых, но он первый подошел к проблеме серьезно и научно. Он первый исчерпывающе выяснил, что в уголовном кодексе нет статей, карающих за получение денег по дивной модели, безукоризненно им отшлифованной.

А также, будучи молодым, умным и энергичным че-

ловеком с высшим образованием, изучавшим также и политэкономиию по Марксу, он прекрасно понимал важность первым реализовать ценную идею и перспективу монополизации рынка и эксплуатации чужого труда.

Взрывчатая энергия свершений и карьеры, глухо запертая Законом в его курчавой голове и узкой грудной клетке, обрела выход и направление и всепробойной струей ударила наружу.

3. Начало

Назавтра он, во-первых, назанимал у всех, кого мог, полторы тысячи рублей — по десять, пятьдесят, сотне, — «до полочки», срочно «на костюм»; и, во-вторых, записался в бригадмил, то бишь в народные дружинники, о чем и получил полезные красные корочки.

Первого своего фирмача он разбомбил в Эрмитаже, в нижнем гардеробе у выхода, рядом с туалетом. В том тесном и летучем столпотворении за каждым уследить невозможно, контакт выглядел естественно и невинно, и заход вдвоем в туалет никак не может выглядеть специальным умыслом.

Группу он отметил, определяя английский экскурсовода, в малых голландцах, наслаждаясь искусством следом за ними, не пялясь и не приближаясь. Выцелил добродушного на вид парня под тридцать, рассеянно обогнал их перед лестницей, подождал в гардеробе, поправляя прическу перед зеркалом за женскими спинами.

— Сори, — сказал он, попятившись и ненароком слегка толкнув парня.

— Сори, — приветливо улыбнувшись, в свою очередь ответил тот.